

1. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002. – 1008 с.
2. Бондарев В. Г. Современные парадигмы в образовании. На пути к целостности и самоорганизации / В.Г. Бондарев. – Мн.: НИО, 2003. – 128 с.
3. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы философии. – 2005. – № 9.
4. Громыко Ю. В. Мыследеятельностная педагогика (теоретико-практическое руководство по освоению высших образцов педагогического искусства). – Мн.: Техно-принт, 2000. – 376 с.
5. Миронов В. Н. Философия истории Фридриха Ницше // Вопросы философии. – 2005. – № 11.
6. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – М.: Шк. культ. полит., 1995. – 800 с.

**Коновод Л. М.** (БрГУ им. А.С. Пушкина, г. Брест)

### **ПРОБЛЕМА «НЕВЕРБАЛЬНОГО» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КОНКРЕТНОЙ ПОЭЗИИ**

Современный литературный процесс характеризуется ситуацией, когда стандартные универсалистские трактовки утрачивают свои объяснительные и прогностические функции. Необычайно распространенными становятся стратегии письма, направленные на эксперимент и новаторство. Происходит актуализация позитивности непонимания, генерация нового языка описания культурных феноменов. Своеобразным эпицентром современных тенденций становится проблематизация языка. Для литературы и культуры последних десятилетий особенно важной становится реальность культуры, «мир как текст». Перенесение внимания с универсального, рационализованного «картезианского» языка на язык естественный задает совершенно иные координаты литературоведческим исследованиям. Теоретики постмодернизма акцентируют внимание на уникальности языка художественного произведения (Р. Барт), субъекта (Ж. Лакан), исторической эпохи (М. Фуко), практически не упоминая о «языке вообще».

Мировоззренческую, эстетическую и поэтическую основу подобных современных тенденций во многом сформировали направления середины XX века, объединяемые в понятие неоавангарда. Немецкоязычная конкретная поэзия – одно из самых ярких неоавангардистских явлений этого периода. Оно фиксирует в себе наиболее характерные, значимые характеристики неоавангарда и, одновременно, предвосхищает появление значительной части характеристик литературы современности. Демифологизация реальности, обнажение её истинных механизмов, которые закамуфлированы господствующими идеологическими и эстетическими представлениями, идеи спонтанности, адогматичности творчества являются ключевыми и для конкретизма как неоавангардистского явления, и для литературы постмодернизма. Разграничение понятий «произведение» и «текст», предложенное Р. Бартом, опирается на практику неоавангардизма, где распространено представление о художественном произведении как тексте, открытом для самых разных интерпретаций и импровизации [2].

Немецкоязычная литература конца 50 – 60 гг. обогащается за счёт активизации литераторов-экспериментаторов, направляющих свой социальный критицизм на поиски недискредитированного языка, на преодоление привычных лингвистических форм, обслуживающих порочную действительность. Интерес к механизмам функционирования языка в творчестве Х. Хайсенбюттеля, О. Гомрингера, Ф. Мона, Э.Ю. Борхерс, Г. Рюма и Э. Яндля сочетается с исследованием проблемы отчуждения, выступлениями против диктатуры унификации, создания культурной индустрии, размышлениями о традиционных формах развития западной культуры, близкими Франкфуртской школе неомарксизма. Анархистским бунтом против устоявшихся канонов в художественном творчестве отмечены произведения и П.О. Хотьевитц, П. Хандке, Р. Бринкмана, Г. Ахтенбуша, В. Бауэра, по-своему развивающих идею недоверия традиционным идеалам. «Слова разваливаются во рту, словно гнилые грибы, – пишет Г. Зальцингер, – все прилагательные стали сомнительными, потому что у нас вызывают ужас те этические и эстетические категории, которые выкристаллизовались в языке как прилагательные...» [8, 126].

Надо говорить, что становление конкретизма в немецкоязычных странах стало своеобразным протестом, преодолением крайнего консерватизма, «реставрационной» политики. Ситуацию в австрийском государстве данного периода Э. Яндль резюмирует так: «Современный австрийский Пен-клуб является более или менее верным отображением культурно-политической системы, сформировавшейся после войны из ряда консервативных авторов, намеренных исполнять по возможности наиболее полный контроль над современной австрийской литературой и её дальнейшим развитием. Это в должной степени было достигнуто распределением ключевых ролей в средствах массовой информации между именно такими авторами, установление монополизма на издательскую деятельность, политику гонораров и цен, а также развитие всех форм протекционизма... Литературное подрастающее поколение воспитывалось таким образом, чтобы развитие особенностей личности не нарушало принятых руководителями границ. Каждое нарушение данных стандартов, ориентированность на менее консервативную поэзию, значило убыток расположения руководителя и, наконец, запрет на опубликование» [5].

В подобной ситуации очень распространенным явлением стала публикация произведений австрийских литераторов в Западной Германии и Швейцарии. С конца 50-60 гг. литераторы Западной Германии активно поддерживают неоавангардистские эксперименты конкретной поэзии.

Термин «конкретная поэзия» стал достаточно условным наименованием ряда разнородных явлений в различных национальных литературах: австрийской, бразильской, немецкой, швейцарской, итальянской, американской. Одним из главных теоретиков немецкоязычного конкретизма по праву считается швейцарский поэт и литературный критик О. Гомрингер. В статье «Конкретное искусство» (1955) автор, рассуждая об особенностях творчества Мондриана и Кандинского, об использовании в их произведениях универсальных, супрематических формул и объектов, утверждает, что категория «конкретизма» одна из важнейших для творчества многих литераторов и художников первой половины XX века. «Абстрактная картина, которая ничего не выражает, реальна сама по себе», – пишет О. Гомрингер, ссылаясь на слова художника и поэта-дадаиста Г. Арпа, который, в свою очередь, отмечает, что «картина или скульптура, для которых предмет не является моделью, так же конкретны, как лист или камень».

В творчестве поэтов-конкретистов наблюдается тенденция «через эксперименты с языком освободить энергию конкретного слова, не зависящего от синтаксиса и грамматики» [6, 116]. Эстетическое обоснование конкретной поэзии выводится из предпосылки, что звуковая и графическая оболочка слов, их расположение на листе бумаги заключают в себе серьезный смысловой и символический подтекст, не совпадающий полностью с лексическими значениями отдельных слов и словосочетаний, а порой и вступающий с ними в явное противоречие. Независимо от творческих поисков швейцарского литератора в Бразилии в 1952 году была образована группа «Нойгандрес», в которую вошли дизайнеры, печатники, художники, архитекторы, занимающиеся экспериментами по комбинированию букв и слов для достижения зрительного эффекта, совершенствования рекламы путем выработки метода краткой и броской информации. В 1955 году в Швейцарии состоялась встреча О. Гомрингера с одним из инициаторов группы «Нойгандрес» Д. Пигнатари, занимающимся проблемой теории коммуникации. В 1958 году появляется программный документ «План-путеводитель по конкретной поэзии», ставший результатом совместного творчества О. Гомрингера и членов группы «Нойгандрес» (Д. Пигнатари, Арольдо и Аугусто де Кампос, Ж.Л. Грюневальда). В данной работе подчеркивается роль в конкретной поэзии идеограммы, то есть письменного знака, условно обозначающего понятие: «идеограмма: призыв к внесловесной коммуникации, конкретное стихотворение осуществляет коммуникацию своей собственной структуры: структура-содержание, конкретное стихотворение – это предмет, который имеет значение сам по себе и не является истолкователем внешних предметов и более или менее субъективных чувств. Его материал: слово (звук, визуальная форма, семантический заряд). Его проблема: проблема функций-отношений этого материала, конкретному стихотворению свойственна метакоммуникация: совпадение и одновременность словесных и несловесных коммуникаций» [3, 295]. Характерным в манифесте является утверждение, что конкретное стихотворение – это предмет, взятый сам по себе, что оно не призвано объяснять действительность или передавать суждения, мысли и чувства автора.

Параллельно, с марта 1951 года, с появления журнала «Publikationen» заявили о своем существовании литераторы так называемой «венской группы» во главе с Х. Артманом. «Венская группа» (Wiener Gruppe) – неформальное объединение австрийских поэтов и писателей, существовавшее в Вене в 1952-1964 годах. В группу входили Ф. Ахляйтнер, Х.К. Артманн,

К. Байер, Г. Рюм и О. Винер. Под влиянием идей, высказанных Г. Стайн, А. Штраммом, Л. Витгенштейном, представители группы разрабатывают авангардистскую, сознательно провокационную концепцию литературы, объявляя своей целью непрерывное изобретение новых художественных форм и создание единого фронта против косности, «привыкания к слову». Общими для творчества литераторов «венской группы» стали антибуржуазно-анархистские настроения, мотивы «чёрного юмора» с его шутовской издёвкой, экспериментирование, широкое использование метода монтажа.

В 1953 году был опубликован первый документ группы – «восемь провозглашений поэтической деятельности», в котором Х.К. Артман настаивает на «апрофессионализме художественных выражений», «расширении эстетических рамок поэзии», «пропаганде «не герметичной» поэзии», «использовании диалекта» [9, 243]. Разрушение привычных образцов, антиакадемизм, скепсис по отношению к языку, устремленность к созданию новаторских экспериментальных текстов определяет характер публикаций К. Байера, Г. Рюма, Э. Кайна, Х. Артмана, Э. Яндля. Последний, не входя формально в «венскую группу», что давало возможность «несравненно дальше уходить за рамки сформулированных в манифестах требований и бесконечно иронизировать [7, III, 606], разделяет, тем не менее, общую установку эстетики и поэтики «венской группы».

Произведения конкретной поэзии синкретичны по своей природе: в текстах поэтов-конкретистов наблюдается стремление к единству вербального и визуального, образного и абстрактного, разных семиотических систем. Постоянно происходит «перевод словесного описания в зрительный образ и наоборот – графическому образу дается вербальная интерпретация [1, 49]. Явление конкретизма связано с областью дизайнерского искусства, рекламы, печатной индустрией. Кроме того, необходимо говорить о взаимосвязи конкретизма и семиотики, кибернетики, теории чисел и других достижений современной науки.

Подобный подход сближает явление конкретизма с идеями аналитической философии, в особенности сильное влияние на формирование творческого кредо конкретистских авторов оказала доктрина австрийского философа Л. Витгенштейна, основоположника логического и лингвистического аналитизма. Его произведения известны читателю с 1921 года, когда вышла первая работа учёного «Логико-философский трактат». Размышления философа, которые так привлекли конкретистов, – это исследование простейших, примитивных форм языка, раскрывающих способ употребления слов, в отличие от сложных, концептуальных высказываний, которые скрывают или искажают обыденное применение языка. По сути, поэты-конкретисты занимаются поисками «минимальных дискретных единиц, исходя из которых и строится знаковая система языка». «Применение» – это то понятие, которое предлагает Л. Витгенштейн, а вслед за ним и конкретисты, в качестве замены понятию «значение». Л. Витгенштейн задаёт принципиальное для конкретизма противопоставление «этического» и «логического», т. е. того, что «может быть показано» и того, о чём «можно говорить». В статье «План-путеводитель по конкретной поэзии» подчёркиваются схожие аспекты проблемы языка: «Поэзия повернулась от искусства к действию, от декламации к констелляции, от фразы к структуре, от песни к энергетическому центру... Конкретная поэзия – это работа с материалом языка, создание с помощью него структур и передача информации с помощью новых способов». Л. Витгенштейну принадлежит также обоснование такой категории как «языковая игра», по правилам которой и создаются тексты конкретизма. «Языковая игра – это определённая модель коммуникации или конституция текста, в которой слова употребляются в строго определённом смысле, что позволяет строить непротиворечивый контекст» [4, 126]. Поэты-конкретисты оперируют словами с фиксированными, понятными в процессе применения значениями, освобождая тем самым свою поэзию от метафизичности. По мысли Л. Витгенштейна «философские проблемы возникают тогда, когда язык пребывает в праздности» [4, 881].

Праздности или пустой созерцательности конкретизм противопоставляет активное употребление языка, в котором и заключён его смысл. Отсюда такое количество текстов поэтов-конкретистов, основанных на игровых, нелинейных способах построения поэтического высказывания, понуждающих читателя к активному восприятию текста, прояснению значения слова через употребление его в акте чтения-разгадывания. Тексты произведений конкретных поэтов сочетают в себе алгебраичность и принципы художественного построения высказывания, каждый элемент которого эстетически организован, подчиняется общему художественному заданию. Каждое конкретистское слово имеет вещественное значение, является для автора поэтической темой, своеобразным средством художественного воздействия, поддерживает идею визуальной и акустической мотивированности высказывания.

1. Агеев В. Семиотика. – М.: Весь мир, 2002.
2. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. Перевод с фр. / Сост., общ. ред., и вступ. статья Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989.
3. Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950-1960 гг. – М.: Художественная литература, 1972.
4. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001.
5. Brief Ernst Jandl als Heinrich Böll. – Wien, № 22, 1973.
6. Gomringer E. Manifeste und darstellungen der konkreten poesie 1954-1966. – St. gallen: edition galerie press, 1966.
7. Jandl E. Gesammelte Werke. – Frankfurt/M.: Luchterhand Lieteraturverlag, 1990. – Bd. III.
8. Salzinger H. Spiegelgedichte zum Selbermachen. Zu den lyrischen Experimenten des Wieners Ernst Jandl // Die Zeit. – 28.03.1969.
9. Schnell R. Geschichte der deutschsprachigen Literatur seit 1945. – Stuttgart: Metzler, 1993.

Кивака Е. Г. (БрГУ им. А.С. Пушкина, г. Брест)

### ФИЛОСОФСКОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ В ПРОБЛЕМНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ДРАМАХ ГЕНРИХА КЛЕЙСТА

«Historia testis temporum.  
lux veritatis, vita memoria,  
magistra vitae, nuntia vetustatis»

(Livius)

Замечательный немецкий писатель Генрих фон Клейст (1777-1811) родился в старинной прусской юнкерской семье во Франкфурте-на-Одере. Его отец был майором прусской армии, поэтому в семье господствовали военные традиции. Рано осиротев, шестнадцатилетний Генрих поступил в гвардию прусского короля в Потсдаме. Совсем юношей он участвовал в военном походе против революционной Франции (1793-1799). Однако военная служба не пришлась по душе будущему писателю. Уволившись из армии в 1799 году, Клейст поступил в университет, поселившись в доме своей старшей сестры Ульрики во Франкфурте-на-Майне. В это время он много размышляет, читает, увлекается идеями Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) и особенно И. Канта (1724-1804), оказавшего впоследствии огромное влияние на его мировоззрение и творчество.

В начале XIX столетия немцы переживали тяжёлые испытания. 14 июня 1800 года при Маренго Наполеон разгромил австрийцев. По договору с Австрией к Франции отошли Бельгия, Люксембург, все германские земли на левом берегу Рейна, последовало «признание Батавской республики (т. е. Голландии), признание Гельветической республики (т. е. Швейцарии), признание Цезальтинской и Лигурийской республик (т. е. Генуи и Ломбардии), которые, конечно, становились французскими владениями» [1; 111]. В 1806 году французские войска вторглись в Саксонию, а в 1807 г. был подписан унижительный для Германии Тильзитский мир. Наполеон, нанеся германским княжествам ряд сокрушительных ударов, подорвал основы феодально-абсолютистского строя. На германских землях поднимается волна национально-освободительного движения. В Тироле и Пруссии вспыхивают восстания против оккупантов. Огромное влияние на передовую немецкую общественность произвели «Речи к немецкой нации» (1807) замечательного философа И.-Г. Фихте (1762-1814), в которых он призывал своих соотечественников к борьбе за свободу родины. Это обращение Фихте взволновало до глубины души Генриха Клейста. Изречение Цицерона – «*Convenit dimicare pro legibus, pro libertate, pro patria*» («Cicero «*Tusculanae disputationes*» IV, 19) – становится жизненным и творческим *credo* Клейста. Война *pro domo mea* (в защиту своего дома) раз и навсегда признается им священной, а национально-патриотическая тематика становится «личной темой», почти фрейдовским комплексом, в соответствии с классификацией Ж.П. Вебера, изложенной в его книге «Истоки поэтического творчества».

Генрих Клейст – крупнейший немецкий драматург эпохи романтизма. Из кризиса феодально-монархической государственной системы он сделал универсальные обобщения, которые сложились впоследствии в концепцию исторического пессимизма. В своей работе «Размышления о ходе вещей» он излагает парадоксальный взгляд на историю: «Есть люди, весьма стран-